

УДК 93(092)

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.112-125

**БЫЛ ЛИ В.И. ГРИГОРОВИЧ В РИМЕ?
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
ИЗ АРХИВА В.И. ГРИГОРОВИЧА (РГБ)**

Л.Ю. Аристова¹, П.В. Георгиев², Р.А. Каримова³

¹*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

²*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

³*Башкирский государственный университет, г. Уфа, 450076, Россия*

Аннотация

В статье обсуждается вопрос о предполагаемой поездке В.И. Григоровича в 1840–1841 гг. за границу, в частности, в Рим. С помощью метода лингвистического анализа делается попытка определить автора анонимных дневниковых записей из архива В.И. Григоровича, хранящегося в Российской государственной библиотеке. Привлекаются также «Тетрадь черновых записей» Григоровича и другие его работы с целью выявить посредством когнитивистики элементы славяноведческого нарратива в работах В.И. Григоровича. Изложена история появления вопроса о предполагаемой поездке В.И. Григоровича в 1840–1841 гг. за границу и приведены различные точки зрения на авторство дневниковых записей, в том числе высказанные учеником Григоровича Н.Н. Буlichem и казанским историком А.В. Сергеевым. На основе статей Григоровича и его «Тетради черновых записей» анализируются его исторические и религиозные взгляды, а также отношение к идее панславизма и исторической миссии славянства.

Ключевые слова: В.И. Григорович, казанские слависты, история славяноведения, междисциплинарное исследование, когнитивная лингвистика

Одной из малоисследованных сторон отечественного славяноведения является ее интеллектуальная составляющая, включающая ментальные основы миропонимания в трудах российских славяноведов [1, с. 7]. История славяноведения требует изучения риторики источников по истории славистики, осуществления археологии идей славистики, анализа идеологием славяноведения в «массовом» научном и общественном сознании (см. [2, с. 6–7; 3, с. 386–393; 4, с. 26–30]). Этот нарратив истории российского славяноведения представляет собой сложный и «многоязычный» текст [2, с. 6], требующий для своего понимания новых междисциплинарных подходов.

Одним из первых опытов междисциплинарного исследования в области изучения славяноведческого нарратива может послужить настоящая статья, затрагивающая частную проблему биографии одного из основоположников отечественного



Фото 1. Портрет В.И. Григоровича. РГБ. Ф. 187: Коллекция изобразительных материалов, № 8 (в оригинальном виде публикуется впервые)

славяноведения, профессора Казанского, Московского и Новороссийского университетов, В.И. Григоровича (1815–1876) (фото 1).

Уже не первое поколение исследователей интересуется вопросом, который касается предполагаемой поездки Григоровича в 1840–1841 гг. за границу, в частности в Рим. Дело в том, что после смерти Григоровича в его бумагах Ф.И. Успенским¹ были найдены дневниковые записи 1840–1841 гг., повествующие о поездке автора по Германии, Швейцарии и Италии (I)².

В этих записях содержались путевые заметки, а также размышления автора о судьбах древнего Рима и эмоциональное описание собственных чувств и мыслей при посещении тех или иных исторических мест. Одно из таких мест, а именно гора Монте-Каво (Monte Cavo), близ Рима, произвела на автора особенное впечатление. На основе этих дневниковых записей Успенский пришел к выводу, что в Риме на Григоровича снизошло что-то подобное откровению свыше, свершился нравственный перелом, открылась некая истина, повлиявшая на всю его дальнейшую деятельность [6, с. 6–10]. В Риме Григорович, по мнению Успенского, под влиянием размышлений о былом величии древнего города, проникся идеей национальности [6, с. 8]. Согласно Успенскому, именно это внезапное озарение

¹ Успенский Федор Иванович (1845–1928) – историк-византист, славист, археолог. Лично знал В.И. Григоровича. Явился одним из первых его биографов (см. [5, с. 338–339]).

² В 1889 г. Успенский передал эту рукопись в Румянцевский музей. В настоящее время дневник находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в составе фонда В.И. Григоровича.

стало основой размышлений Григоровича о единстве славянских народов, о необходимости идеи панславизма, о некоей исторической миссии славянства [6, с. 7–8]. Выводы Успенского имели большое влияние и отразились во многих работах о Григоровиче (см. [7, с. 50–79]).

Однако в дальнейшем один из учеников Григоровича Н.Н. Булич, проанализировав соответствующую документацию, нигде не нашел ни одного официального документа, подтверждавшего, что Григорович находился в 1840–1841 гг. за границей (см. [8, с. 895–900]). Исходя из этого, Булич сделал предположение о том, что автором использованной Успенским рукописи был профессор Московского университета В.Л. Печёрин, а Григорович сделал из нее выписки, которые нашел Успенский и принял это за мысли самого Григоровича [8, с. 897]. Далее в журнале «Вестник Европы» за 1894 г. появилась заметка, в которой А.Н. Пыпин привел рассказ некоего Н.И. Янжула о том, что хозяйка одного из саратовских домов имеет редкий альбом, принадлежавший ранее ее покойному отцу П.И. Кривцову, много лет прожившему в Риме. На одном из рисунков из этого альбома имелось изображение В.И. Григоровича с подписью: «Св. отец, П.И. Кривцов и В.И. Григорович» [9, с. 873]. Дело было, однако, в том, что здесь речь шла о Василии Ивановиче Григоровиче (1786–1865), искусствовед, профессоре Академии искусств. Он также был в Риме примерно в то же самое время, что и автор анонимного дневника. Василий Григорович был отправлен в отпуск на год в Швейцарию, Италию и к Карлсбадским водам для восстановления здоровья [10, с. 79].

Кроме того, из сохранившихся писем Василия Григоровича известно, что он посещал те же города, что и автор дневника [10, с. 79]. И так же, как и автор дневника, восхищался памятниками Рима и его красотами: «Что я почувствовал, когда увидел этот город, некогда столицу мира, а теперь столицу главы католической церкви, приют художников всей Европы, здесь развивающихся и достигающих славы, с которою большая часть из них возвращается в свое отечество, цель моих мечтаний с юности и до лет нынешних» [10, с. 80–81].

Еще более интересным кажется то, что в анонимном дневнике часто встречается упоминание о неких художниках, которые сопровождали автора в его путешествиях. А ведь Василий Григорович должен был во время поездки не только знакомиться с памятниками искусства и культуры, но и инспектировать молодых художников – воспитанников Императорской Академии художеств, посланных для усовершенствования своих талантов в Европу, в частности в Рим [10, с. 80]. Они же показывали Василию Григоровичу красоты Вечного города с самых выгодных точек, сопровождали его при посещении античных памятников [10, с. 81–82]. Интересно, что в дневниковых записях также имеется красочное описание горы Монте-Каво, поразившей автора, и упоминание о некоем сопровождавшем его художнике. Все это дает основание предположить, что автором анонимного дневника мог быть именно Василий Иванович Григорович. Не мог ли Успенский каким-либо образом перепутать двух Григоровичей и, получив от кого-нибудь дневниковые записи, отнести их на счет Виктора Григоровича? Остается лишь предположить, что путаница произошла из-за одинаковых инициалов и фамилий.

Однако здесь есть одно противоречие, которое всё же не позволяет придерживаться этой версии. Из России Василий Григорович выехал вместе с Ф.А. Бруни

30 ноября 1841 г. [10, с. 80], тогда как в дневниковых записях анонимный автор говорит о том, что он отправился за границу в мае 1840 г.

На историю с дневниковыми записями, найденными в бумагах Григоровича, обратил внимание и казанский историк А.В. Сергеев³. Он сопоставил данные документа с «Воспоминаниями» Ф.И. Буслаева, который был в Риме как раз в 1840–1841 гг., и предположил, что автором дневника был именно последний. Григорович же, по мысли Сергеева, во время своего кратковременного профессорства в Московском университете бывал частым гостем Буслаева и переписал понравившиеся ему места рукописи Буслаева [7, с. 55]. Так или иначе, но в настоящее время нет ни одного документа, который подтверждал бы версию о поездке Григоровича за границу в 1840–1841 гг.

Несмотря на отсутствие документов, свидетельствующих о пребывании Григоровича в Риме в 1840–1841 гг., в данном вопросе имеется существенный момент, который позволяет предполагать, что автором дневниковых записей мог являться сам Григорович. Дело в том, что даже при беглом взгляде на дневниковые записи видно, что текст является «живым». В тексте множество ремарок и исправлений, он написан карандашом, почерк неровный (см. фото 2).

Всё это, на наш взгляд, может говорить о том, что писавший не являлся простым переписчиком, как считали Булич и Сергеев, а сам был автором записей, которые делались в условиях передвижения. Это объясняет множество пометок и исправлений в тексте дневника и неровный почерк.

Также, поскольку этот документ был найден в бумагах Григоровича, очень сомнительным кажется предположение о том, что автором дневника мог быть кто-то иной, кроме самого Григоровича. Подчеркнем: с этим документом работал Успенский, очень хорошо знавший Григоровича и его почерк.

К тому же, авторам данной статьи благодаря коллегам из РГБ (заведующей сектором хранения и учета фондов рукописей Анне Евгеньевне Родионовой и главному архивисту Отдела рукописей Марине Николаевне Волковой) удалось выяснить, что почерк анонимного автора сходен с почерком Григоровича.

Таким образом, вопрос об авторстве воспоминаний о путешествии по Германии, Швейцарии и Италии до сих пор остается нерешенным. Следует отметить также существовавшее в дореволюционной историографии мнение о том, что Григорович мог по каким-то причинам умолчать о своей поездке за границу⁴ [13, с. 444].

О том, что Григорович в 1840–1841 гг. совершил путешествие за границу, сообщает также А.И. Кирпичников⁵. Указание на это мы находим в очерке,

³ Сергеев Александр Васильевич (1918–1993) – историк, библиограф. В 1965 г. в Казанском университете защитил кандидатскую диссертацию «В.И. Григорович как историк славян». Автор монографии «Исторические взгляды В. И. Григоровича» (Казань, 1978) и др. работ, посвященных научной деятельности В.И. Григоровича (см. [11, с. 240; 12, с. 38–40]).

⁴ Этой версии придерживался, в частности, хорошо знавший Григоровича известный археолог и историк Н.Н. Мурзакевич. По его мнению, Григорович посетил Рим в качестве верующего католика, но затем тщательно это скрывал, поскольку не хотел афишировать свое католическое прошлое. По мнению Мурзакевича, Григорович принял православие только в 1843 г., а до этого был католиком. Однако нужно отметить, что данная версия вызвала незамедлительное обвинение в грубом искажении фактов биографии Григоровича (см. [14, с. 153]).

⁵ Александр Иванович Кирпичников (1845–1903) – историк всеобщей литературы, филолог, профессор Харьковского, Новороссийского и Московского университетов, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук.

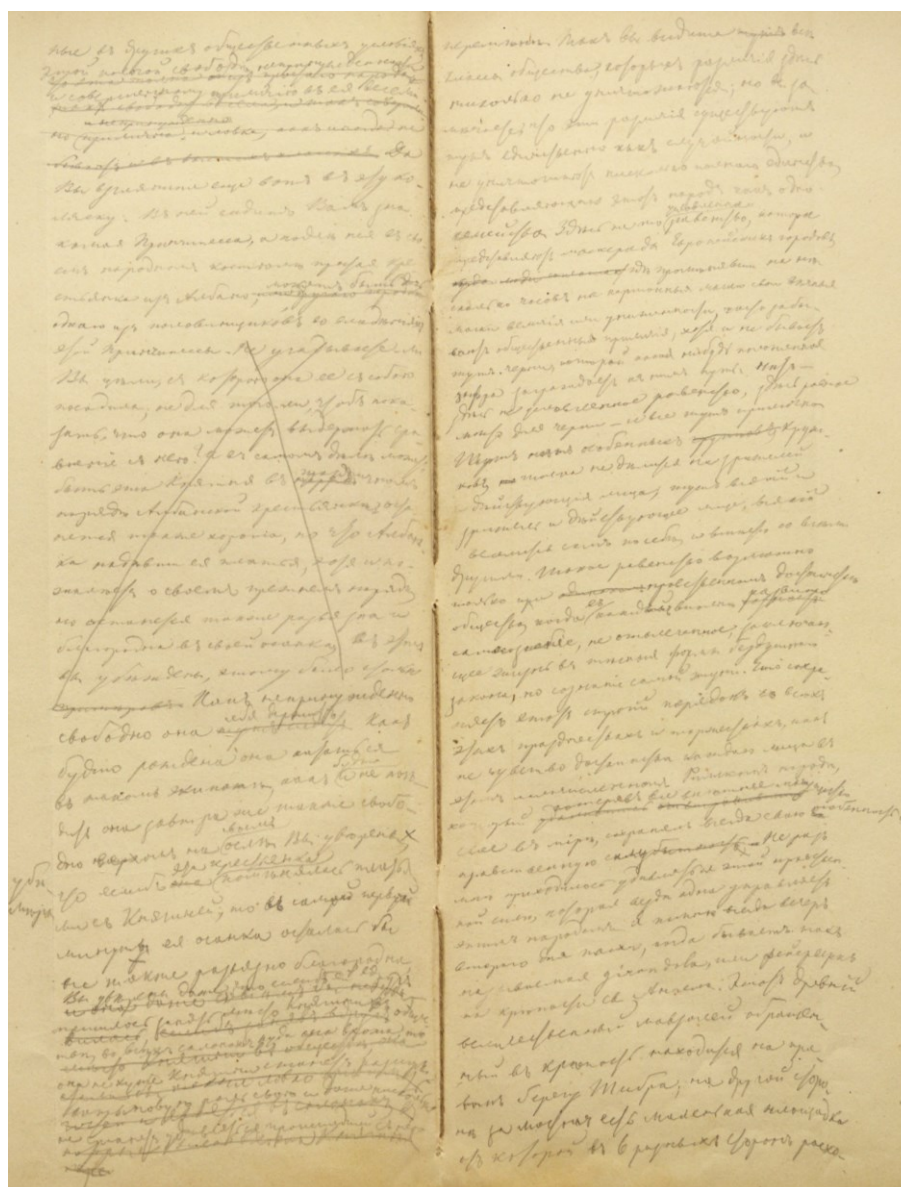


Фото 2. Воспоминания В.И. Григоровича о путешествии по Германии, Швейцарии и Италии. РГБ. Ф. 86. К. 1, Ед. хр. 1, Л. 14–15 (публикуется впервые)

посвященном Григоровичу в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, написанном этим автором [15, с. 717–718]. Было ли данное мнение Кирпичникова просто заимствовано у Успенского или же он мог располагать на этот счет какой-либо информацией, сказать трудно.

В любом случае история с путешествием Григоровича за границу в 1840–1841 гг. содержит много вопросов. В связи с этим представляется интересным провести лингвистический анализ дневниковых записей Григоровича и некоторых его статей. Такой междисциплинарный подход если и не даст стопроцентный ответ на вопрос об авторстве анонимных дневниковых записей, то, безусловно,

поможет глубже понять личность и мироощущение известного отечественного слависта, а также даст представление о некоторых элементах славяноведческого нарратива с позиций лингвистики. Для решения этих задач, несомненно, должны быть использованы методы когнитивистики: когнитивной психологии и лингвистики. Переходя к сопоставлению текстов дневниковых записей и статей Григоровича, по нашему мнению, справедливым будет подвергнуть анализу также и некоторые фрагменты «Тетради черновых записей» Григоровича, которые хранятся сейчас в Научной библиотеке Казанского федерального университета и в которых высказаны идеи некоего откровения и предопределения, характерные и для дневниковых записей (см. [16, с. 135–140; 17, с. 111–116]).

С точки зрения когнитивистики, для более полного понимания текста значима комплексная характеристика носителя речи (см. [18, с. 506–509; 19, с. 100–103]). Психологически, по темпераменту Григорович скорее холерик; социально он носитель полнезависимого и сложного когнитивного стиля [20, с. 300]; он обладатель не только обыденного и научного (теоретического), но и языкового знания [21, с. 79, 95], то есть языковая личность (см. [22]). Этот аспект весьма значим: языковая личность уникальна, что позволяет идентифицировать ее в том или ином тексте. Личности, по Л.В. Златоустовой, свойственен активный словарь говорящего, определенные способы порождения текста/дискурса. Григорович, судя по рассматриваемым ниже материалам (дневнику, статье, черновым записям и выступлению), – носитель языковой/речевой нормы, представляющий полнофункциональный тип речевой культуры [23, с. 343–344], владеющий жанрами литературного языка, не чуждый художественной речи.

Обращаясь к лингвистической стороне текстов Григоровича и учитывая главным образом стилистические различия дневниковых записей и названных ниже статей, убеждаемся, что основные параметры данной личности проявляются на пересечении этих текстов, позволяя увидеть ее [личности] ядро.

Выявляя его на основе когнитивно-коммуникативной модели, сравним наиболее показательные в дискурсивном отношении отрывки дневниковых записей и других материалов.

С этой целью обратимся к фрагментам из анонимных дневниковых записей, на наш взгляд, наиболее ярких и показательных для представления личности автора.

По нашему мнению, тематика их такова:

- 1) тема откровения («промысла Божия»);
- 2) тема противостояния католичества и православия;
- 3) тема двух апостолов;
- 4) тема римского влияния на Европу и славянского просвещения;
- 5) идея Третьего Рима.

Теме откровения, ведущей в дневниковых записях, предпослана мысль автора о его нравственном переломе, связанном с посещением монастыря на Монте-Каво: «Один раз – это было зимой – я отправился со своими друзьями во Фраскатти, где я часто проводил по нескольку дней; на другой день мы со светом отправились вдоль Албанских гор с целью подняться па вершину Monte Savo, где находится уединенный монастырь. ...величие Божие открылось передо мной – я пожелал умереть в эту минуту! Этого чувства не поймешь ни прежде, ни после, но я помню его. Память об нем да представится мне грозным

укором всякий раз, как возропщу на жизнь. В открытом предо мною пространстве казались написанными судьбы Божии во все времена человечества. Но не объяснить ни в одном слове, ни в целой книге того, что было только чувство, сосредоточившее в себе полное развитие. Это было *откровение*⁶ (курсив наш. – Л.А., П.Г., Р.К.), которого удостаивается человек, но которое проносится перед ним как молния мгновенно и оставляет за собой жизнь, чтоб, благодаря за него, развивать его в своем сознании» (I, л. 9).

Дискурсивно тема откровения проявляется в дневнике через вербализированный индивидом (его памятью) образ ситуации, передающий движение, восприятие, реакцию субъекта средствами словесных рядов, свойственных художественной речи (и тексту) [25, с. 144]. Здесь ситуация явлена сжато, средствами убеждающей речи (с использованием метафоры, сравнения (см. напр.: *как молния мгновенно*), ее вербализирует коммуникативно-семантическое поле (КСП) дискурса, включающее следующие ключевые слова (и сочетания): *откровение; величие Божие; чувство; память; судьбы Божии, пространство; жизнь; сознание*.

Рассмотрим далее, как отражаются данная и другие темы в публикациях Григоровича, для чего обратимся к его первой печатной работе «Краткое обозрение славянских литератур» (II). В ней прослеживаются некоторые вопросы, затронутые в анонимном дневнике. Такова тема римского влияния на европейские страны и последующей роли славянского просвещения. Особенно ярко оно дало о себе знать в России, подхватившей эстафету цивилизационного влияния Рима. Об этом Григорович пишет в начале своей работы и возвращается к той же мысли в ее конце. В одном из отрывков автор прямо проводит аналогию между славянскими странами, славянизовавшими соседние племена, и римскими колониями, латинизовавшими близкие и отдаленные нации (II, с. 93, 109). Здесь явно видна симпатия Григоровича к основным элементам идеи Третьего Рима. Это прослеживается во фрагментах статьи и дневника, с контекстуальной близостью их КС (и сочетаний): *сербские и русские племена; народы; римские колонии – Восток Европы; Римское царство*. Так, в статье мы читаем: «Сильному и непреодолимому влиянию духовных должно еще приписать важную заслугу – славянизацию окружающих сербские и русские племена чужеземных народов. Кто вспомнит, какое множество народов, о которых упоминают летописцы, поглощено ныне именем Сербов и Русских, тот невольно приведет себе на память римские колонии, латинизовавшие близкие и отдаленные нации» (II, с. 109).

В дневнике видим: «Только на том Востоке Европы, куда и в древности не успело проникнуть ни даже имя Рима, возникло независимо от него и без малейшего его влияния *царство* (курсив наш. – Л.А., П.Г., Р.К.), которое расширилось превыше древнего Римского царства» (I, л. 22).

В тексте статьи прослеживается мысль Григоровича о противостоянии славянства и германства, обозначенная в дневнике отрывком о пагубном немецком влиянии и развиваемая далее в обоих текстах. На языковом уровне это проявляется в контекстуальной близости ключевых слов (КС) и сочетаний. В дневнике:

⁶ По Далю, *откровение* – это 'в переносном значении просветление свыше, открытие истин, до каких человек своим умом не доходит; зачатки понятий и убеждений духовных или нравственных' [24, т. 2, с. 757].

«И распались оковы гнездившегося во мне дотоле одностороннего немецкого влияния, сосредоточившие для меня все знание, весь опыт в стенах немецкого университета и что еще сильнее – все совершенство человека в формах немецкой жизни» (I, л. 7). В статье: «Мы слишком покорно повинемся указаниям иностранных взглядов, забываем свое и не видим у себя великого движения и переворотов проникающих все племена. Я уверен, что во всем духе народной жизни нашей, мы не раз можем найти подобное сочувствие, сильную борьбу и много великих идей, истекших из славянской вековой жизни. Мы их откроем, когда более станем сознавать, в противоположность германской, славянскую Европу и почувствуем в себе потребность иметь историю славянской Европы» (II, с. 153).

Несмотря на некоторую завуалированность, в статье представлена и тема откровения. Так, Григорович, рассуждая о значении духовного элемента в жизни славянских народов, говорит о том, что «всякий раз, как от неминуемых бедствий оскудевал наш умственный запас, призываемы были мужи, или заимствуемы книги со св. горы» (II, с. 96). Здесь же Григорович замечает, что «известная у духовных Афонская гора, под именем святой, была с незапамятных времен средоточием богословского вообще и в частности славянского просвещения» (II, с. 96). И далее: «Святая гора доставляла духовным полное богословское образование, посредством которых распространялось просвещение на народы» (II, с. 97). В дневнике тема откровения прослеживается в выше приведенном отрывке, повествующем о горе Monte Savo (I, л. 9). В этих контекстах очевидна явная параллель: мотив горы Монте-Каво и горы Афон, за которой – имплицитная тема откровения, приходящего с некой горы.

Весьма интересно сопоставить одну из статей Григоровича, посвященную памяти св. Кирилла (III, с. 117), с отрывками анонимного дневника, где речь идет о характеристике деятельности славянских просветителей. Григорович неоднократно возвращался в своих работах к истории деятельности славянских апостолов (см. [26]). В дневнике: «Он [Рим] уже прославился тогда славой первых апостолов, пришедших в него, как в первый город языческого мира и оставивших в нём свои тела – два светлые ока вечного града» (I, л. 12).

В том же апологетическом ключе говорит Григорович о деятельности Кирилла и Мефодия в статье (III, с. 117). Здесь же раскрывается и тема противостояния православия и католичества (III, с. 110–111), характерная для дневниковых записей. См. напр.: «Вспомним возникшую борьбу Рима и Константинополя, вражду народностей немецкой и славянской и среди этих противоположностей просвещение Болгарии и Моравии, усиление славянской письменности, возникновение славянского богослужения и с этим вместе начало славянской самостоятельности и спросим себя, кто же сознавал противоречия и кто готовил народы к примирительности? Бесспорно они, наши наставники, свсв. Кирилл и Мефодий. Поэтому-то и ныне в XIX столетии, когда славянские народы сознают потребность дружного содействия в деле самостоятельного просвещения, подвиги свсв. апостолов наших привлекают пытливого каждого, вникающего в значение эпохи» (III, с. 110).

Духовную сферу Григоровича характеризуют такие понятия, как «откровение», «промысел Божий», «знамение», о чем можно судить по материалам его

архива. В частности, тема откровения («промысла Божия») встречается в одном из его писем, отрывок из которого приводится в «Воспоминаниях о Григоровиче» Успенского. Григорович так описывает свои впечатления о переходе в Московский университет: «Я твердо уверен, что мое перемещение, которому я, не забывая, кто я, из каких я, отчаянно противоречил, не без содействия *промысла Божия* (курсив наш. – Л.А., П.Г., Р.К.)» [6, с. 13].

Тему откровения мы находим и в «Тетради черновых записей» Григоровича. Так, записи в дневнике начинаются заметкой о Константине Великом, где подчеркивается достоверность рассказов о знамении⁷, виденном римским императором. В этой заметке Григорович отмечает следующее: «Некоторые полагают, что рассказы о знамении, виденном Константином Великим, не что иное как басня, выдуманная Евсевием, который повествует о нем, или же самим Константином для достижения своей цели. Другие признают это знамение за действие события, не считая его чудом, но относя к естественным явлениям, как-вые бывают нередко вокруг солнца. Мы со своей стороны заметим касательно этого знамения то, что император твердо был убежден в том, что этим знамением Бог обращает его от многобожия и идолопоклонства к почитанию единого истинного Бога и что это знамение было одним из средств, которые употребляет Бог для обращения заблуждающегося человека на путь истины. Почитать это знамение за вымысел Евсевия или за вымысел Константина совершенно неосновательно и безрассудно» (IV, л. 1–1 об.). Далее в «Тетради черновых записей» Григоровича следует заметка «О необходимости божественного откровения». Здесь развивается мысль о том, что откровение Божье может присутствовать и необходимо в жизни каждого человека (IV, л. 2 об.–10 об.).

По нашему мнению, следует обратить внимание и на языковые особенности дневниковых записей, их близость к высокому стилю древнерусского языка. Таков, например, следующий фрагмент дневника: «...величие Божие открылось передо мной – я пожелал умереть в эту минуту! Этого чувства не поймешь ни прежде, ни после, но я помню его. Память об нем да представится мне грозным укором всякий раз, как возропщу на жизнь. В открытом предо мною пространстве казались написанными судьбы Божии во все времена человечества» (I, л. 9). Языковые конструкции дневниковых записей отличаются сжатостью; актуализацией объектов восприятия; включением обобщенно-личного предложения; характерной императивной конструкцией (см. *Память об нем да представится мне грозным укором всякий раз...*); наконец, лексико-синтаксическим составом контекста (см. *предо мною и передо мной; величие Божие, судьбы Божии; грозным укором; возропщу*⁸ *на жизнь*).

Эти наблюдения подтверждаются комментариями к «Речи проф. В.И. Григоровича на праздновании тысячелетия Руси» (V), произнесенной им в Казани на древнецерковнославянском языке. «У автора несомненно умение писать древне-церковно-славянским языком, знание особенностей старославянского

⁷ По Далю, *знамение* – это ‘знак, признак, примета; клеймо, тамга, печать; явление природы или чудо, для знаменованья, доказательства, предвещанья чего’ [24, т. 1, с. 711].

⁸ По Фасмеру, *ропот, роптать, ропису* (-щ- – из ц.-слав.)... др.-русск. *ропѣть, рѣпѣть*, ст.-слав. *рѣпѣтати* [27, т. 3, с. 502].

и древнерусского стиля», – подчеркивал в этой связи Б.М. Ляпунов, подготовивший комментарий к этой речи [28, с. 3].

Таким образом, проведенный нами комплексный анализ позволяет сделать вывод о том, что автором дневниковых записей мог являться В.И. Григорович. Это стимулирует дальнейшее изучение данной проблемы. В целом, не претендуя на окончательное решение вопроса о том, кому же принадлежали дневниковые записи, мы находим в них элементы, близкие к мировоззренческим установкам самого Григоровича. Это говорит о духовной близости автора дневниковых записей и самого Григоровича.

Источники

- I – Воспоминания В.И. Григоровича о путешествии по Германии, Швейцарии и Италии // Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 86. К. 1. Ед. хр. 1. 18 л.
- II – *Григорович В.И.* Краткое обозрение славянских литератур // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1841. – Кн. 1. – С. 93–153.
- III – *Григорович В.И.* Несколько слов, сказанных профессором славянских наречий В. Григоровичем по поводу празднования тысячелетия со времени кончины св. Кирилла // Собр. соч. В.И. Григоровича (1864–1867). – Одесса: Изд. Ист.-филол. о-ва при Имп. Новорос. ун-те, 1916. – С. 105–117.
- IV – Тетрадь черновых записей В.И. Григоровича // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского (ОРРК НБЛ). Ед. хр. 1129. 292 л.
- V – Речь проф. В.И. Григоровича на праздновании тысячелетия Руси / Примеч. Б.М. Ляпунова, предисл. И.А. Линниченко. – Одесса: Тип. «Техник», 1915. – 8 с.

Литература

1. *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* «Профессор славянских наречий» В.И. Григорович: Ученый vs Учитель (к проблеме реконструкции этических аспектов идентичности ученого) // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Сеницын. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 6–14.
2. *Мягков Г.П., Недашковская Н.И.* Несостоявшийся проект транснациональной истории славяноведения: к проблеме реконструкции замысла науки // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона: науч. альм. 2017 / Общ. ред. А.Е. Загребин. – Ижевск: Шелест, 2017. – С. 5–12.
3. *Аристова Л.Ю.* Концепция славянской культурной взаимности в контексте жизненного и научного пути В.И. Григоровича // Славянский альманах. – 2016. – Вып. 1–2. – С. 386–393.
4. *Аристова Л.Ю.* В.И. Григорович и европейский романтизм: к вопросу о влиянии романтизма на жизнь и творчество выдающегося русского слависта // Вестн. Моск. Информ.-технол. ун-та – Моск. архитект-строит. ин-та. – 2018. – № 2. – С. 26–30.
5. *Литаврин Г.Г.* Успенский Ф.И. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиогр. словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 338–339.
6. *Успенский Ф.И.* Воспоминания о В.И. Григоровиче. – Одесса: Тип.-лит. Окр. Шт. Одес. воен. окр., 1890. – 38 с.
7. *Сергеев А.В.* Оценка научной деятельности В.И. Григоровича в буржуазной и марксистской историографии // Вопросы историографии всеобщей истории: Сб. ст. – 1967. – Вып. 2. – С. 50–79.

8. Булич Н.Н. Был ли В.И. Григорович в Риме в 1840–1841 г.? (По поводу «Воспоминаний» Ф.И. Успенского) // Вестн. Европы. – 1894. – Кн. 4. – С. 895–900.
9. Пытин А.Н. (Подпись П.). Объяснение. Был ли В.И. Григорович в Риме в 1840–1841 г.? // Вестн. Европы. – 1894. – Кн. 10. – С. 873–874.
10. Погодина А.А. В.И. Григорович в Риме в 1842 году. К истории римской русской колонии художников // Третьяковские чтения. 2012: Материалы отчет. науч. конф. – М.: Гос. Третьяков. галерея, 2013. – С. 79–97.
11. Научная библиотека Казанского университета в лицах. Ч. 1: Сотрудники библиотеки, 1806–2007 гг. / Сост. В.И. Шишкин, Ж.В. Щельванова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – 423 с.
12. Бодров О.В. Новистика в Казанском университете. 1943–2003. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 38–40.
13. Мурзакевич Н.Н. В.И. Григорович. (Некролог) // Зап. Импер. Одес. о-ва ист. и древн. – 1879. – Т. 11. – С. 444.
14. [Кочубинский А.А.] Непокойный археолог и упокоившиеся «антикварианты» // Рус. филол. вестн. – 1880. – Т. 4. – С. 153.
15. Киртичников А.И. В.И. Григорович // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 9а (18). – С. 717–718.
16. Георгиев П.В. Архив В.И. Григоровича в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского // Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с междунар. участием, посвящ. 200-летию со дня рожд. ученого, Казань, 10 апр. 2015 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 135–140.
17. Георгиев П.В. Две рукописи В.И. Григоровича: несколько штрихов к портрету ученого-слависта // Славяноведение. – 2018 – № 6. – С. 111–116.
18. Каримова Р.А. Функционирование категории оценки/мнения в устном дискурсе // Вестн. Башк. ун-та. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 506–509.
19. Каримова Р.А. Организация эссеистического дискурса // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы междунар. конф.: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 100–103.
20. Холодная М.А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума. – М.: Питер, 2004. – 384 с.
21. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 392 с.
22. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
23. Сиротинина О.Б. Речевая культура. Полнофункциональный тип // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Наука: Флинта, 2003. – С. 343–344.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд. Вольфа, 1881. – Т. 1. – 812 с.; Т. 2. – 814 с.
25. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания в 2 т. – М.: Academia: Смысл, 2006. – Т. 2. – 431 с.
26. [Артемьев А.И.] Заседание Казанского общества любителей отечественной словесности [4 мая 1848 г.] // Казан. губерн. ведомости. – 1848. – № 20, Ч. неофиц. – С. 166–169.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – С. 502.

28. *Ляпунов Б.М.* Замечания о языке «Слова», сказанного В. Григоровичем 8 сентября // Речь проф. В.И. Григоровича на праздновании тысячелетия Руси / Прим. Б.М. Ляпунова, предисл. И.А. Линниченко. – Одесса: Техникъ, 1915. – С. 3–6.

Поступила в редакцию
16.01.19

Аристова Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: *aristova.ly@gmail.com*

Георгиев Павел Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *georgiev.pawel@yandex.ru*

Каримова Роза Ахметовна, доктор филологических наук, профессор

Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, д. 32, г. Уфа, 450076, Россия
E-mail: *srya409@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 112–125

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.112–125

**Was V.I. Grigorovich in Rome? Comprehensive Analysis
of V.I. Grigorovich's Notes from the Archives of the Russian State Library**

L. Yu. Aristova^{a}, P. V. Georgiev^{b**}, R. A. Karimova^{c***}*

^a*Moscow State University, Moscow, 119991 Russia*

^b*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

^c*Bashkir State University, Ufa, 450076 Russia*

E-mail: * *aristova.ly@gmail.com*, ** *georgiev.pawel@yandex.ru*, *** *srya409@mail.ru*

Received January 16, 2019

Abstract

The paper deals with the problem of the unknown travel of V.I. Grigorovich abroad and to Rome in 1840–1841. These records contained travel notes, as well as the author's reflections on the fate of ancient Rome and emotional description of their own feelings and thoughts when visiting certain historical places. One of these places, namely Monte Cavo, near Rome, made a special impression on the author. On the basis of these diary entries, F. Uspensky came to the conclusion that in Rome V.I. Grigorovich allegedly descended something like a revelation from above, a moral fracture occurred, opened a certain truth that influenced all his future activities. Using linguistic analysis, an attempt was made to identify the author of anonymous entries from V.I. Grigorovich's archive in the Russian State Library. By means of the cognitive analysis, the elements of Slavic narrative were considered in other works by V.I. Grigorovich. The paper presents different views on the authorship of diary entries, including those expressed by N. Bulich and A. Sergeev. On the basis of V.I. Grigorovich's articles and his "Notebook of Draft

Records”, his historical and religious views, as well as his attitude to the idea of pan-Slavism and the historical mission of the Slavs were analyzed.

Keywords: V.I. Grigorovich, Kazan slavists, history of Slavic studies, cognitive linguistics

Figure Captions

Photo 1. A portrait of V.I. Grigorovich. Russian State Library. Ph. 187: Collection of Pictorial Materials, no. 8 (published in the original for the first time).

Photo 2. V.I. Grigorovich’s memories on the travel to Germany, Switzerland, and Italy. Russian State Library. Ph. 86. C. 1, dep. item 1, L. 14–15 (published for the first time).

References

1. Myagkov G.P., Nedashkovskaya N.I. “Professor of Slavic dialects” V.I. Grigorovich: Scientist vs Educator (on the problem of reconstructing the ethical aspects of a scientist’s identity). In: *Uchitel’ istorii v sotsiokul’turnom prostranstve Evrazii v kontse XX - nachale XXI v.: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [History Teacher in the Cultural Space of Eurasia in the Late 20th – Early 21st Century: Proc. All-Russ. Pract. Conf.]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2016, pp. 6–14. (In Russian)
2. Myagkov G.P., Nedashkovskaya N.I. The failed project of the transnational history of Slavic studies: The problem of reconstructing the design of science. In: *Istoriko-kul’turnoe nasledie slavyanskikh narodov Volgo-Kamskogo regiona* [Historical and Cultural Legacy of Slavic People in the Volga-Kama Region]. Zagrebin A.E. (Ed.). Izhevsk, Shelest, 2017, pp. 5–12. (In Russian)
3. Aristova L.Yu. The concept of Slavic cultural mutuality in the context of V.I. Grigorovich’s life and academic pursuits. *Slavyanskii Al’manakh*, 2016, nos. 1–2, pp. 386–393. (In Russian)
4. Aristova L.Yu. V.I. Grigorovich and European Romanticism: On the Problem of the influence of Romanticism on life and Works of the outstanding Russian Slavist. *Vestnik Moskovskogo Informatsionno-Tekhnologicheskogo Universiteta*, 2018, no. 2, pp. 26–30. (In Russian)
5. Litavrin G.G. Uspensky F.I. In: *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoi Rossii. Bibliogr. slovar’* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia. Bibliographic Dictionary]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 338–339. (In Russian)
6. Uspensky F.I. *Vospominaniya o V.I. Grigoroviche* [Memoirs on V.I. Grigorovich]. Odessa, Tip.-Lit. Okr. Sht. Odes. Voen. Okr., 1890. 38 p. (In Russian)
7. Sergeev A.V. Assessing the research activity of V.I. Grigorovich in bourgeois and Marxist historiography. *Voprosy Istorigrafii Vseobshchei Istorii*, 1967, no. 2, pp. 50–79. (In Russian)
8. Bulich N.N. Was V.I. Grigorovich in Rome during 1840–1841? (Concerning the “Memoirs” of F.I. Uspensky). *Vestnik Evropy*, 1894, no. 4, pp. 895–900. (In Russian)
9. Pypin A.N. Explanation. Was V.I. Grigorovich in Rome during 1840–1841? *Vestnik Evropy*, 1894, no. 10, pp. 873–874. (In Russian)
10. Pogodina A.A. V.I. Grigorovich in Rome in 1842. On the history of Roman Russian colony of artists. *Tret’yakovskie chteniya. 2012: Materialy otchet. nauch. konf.* [Tret’yakov Lectures. 2012: Proc. Rep. Sci. Conf.]. Moscow, Gos. Tret’yakov. Galereya, 2013, pp. 79–97. (In Russian)
11. *Nauchnaya biblioteka Kazanskogo universiteta v litsakh* [Scientific Library of Kazan University through Its Staff]. Pt. 1: Library staff, 1806–2007. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2011. 423 p. (In Russian)
12. Bodrov O.V. *Novistika v Kazanskom universitete. 1943–2003* [Novistics at Kazan University. 1943–2003]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2004, pp. 38–40. (In Russian)
13. Murzakevich N.N. V.I. Grigorovich. (Obituary). *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*, 1879, vol. 11, p. 444. (In Russian)
14. [Kochubinskii A.A.] Restless archaeologist and resting “antiquaries”. *Russkii Filologicheskii Vestnik*, 1880, vol. 4, p. 153. (In Russian)
15. Kirpichnikov A.I. V.I. Grigorovich. In: Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 9a(18). St. Petersburg, 1893, pp. 717–718. (In Russian)
16. Georgiev P.V. V.I. Grigorovich’s archive in the Department of Rare Books and Manuscripts of Nikolay Lobachevsky Scientific Library. In: *Grigorovich i razvitie slavyanovedeniya v Rossii: Materialy “kruglogo stola” s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhd. uchenogo,*

- Kazan'*, 10 apr. 2015 g. [Grogorovich and Development of Slavic Studies in Russia: Proc. Panel Discussion with Int. Participation Devoted to the 200th Birth Anniversary of the Scholar. Kazan, Apr. 10, 2015]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015, pp. 135–140. (In Russian)
17. Georgiev P.V. Two manuscripts of Victor Grigorovich: Some traits to the portrait of a Slavist scholar. *Slavyanovedenie*, 2018, no. 6, pp. 111–116. (In Russian)
 18. Karimova R.A. The functioning of the category of estimation/opinion in oral discourse. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2014, vol. 19, no. 2, pp. 506–509. (In Russian)
 19. Karimova R.A. Arrangement of essay discourse. In: *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremenniy vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly: Trudy i materialy mezhdunar. konf.* [Scientific Legacy of V.A. Bogoroditskii and Modern Research Vector in Kazan Linguistics School: Proc. Int. Conf.]. Vol. 1. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2018, pp. 100–103. (In Russian)
 20. Kholodnaya M.A. *Kognitivnye stili o prirode individual'nogo uma* [Cognitive Styles on the Nature of Individual Mind]. Moscow, Piter, 2004. 384 p. (In Russian)
 21. Baudouin de Courtenay J. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 2. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1963. 392 p. (In Russian)
 22. Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Identity]. Moscow, Izd. LKI, 2010. 264 p. (In Russian)
 23. Sirotnina O.B. Speech culture. Fully functional type. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Nauka, Flinta, 2003, pp. 343–344. (In Russian)
 24. Dal V.I. *Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, Izd. Vol'fa, 1881. Vol. 1, 812 p.; Vol. 2, 814 p. (In Russian)
 25. Velichkovskii B.M. *Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya* [Cognitive Science. Basics of Psychology of Cognition]. Vol. 2. Moscow, Academia, Smysl, 2006. 431 p. (In Russian)
 26. [Artem'ev A.I.] The meeting of the Kazan Society of Friends of Russian Literature [May 4, 1848]. *Kazanskie Gubernatorskie Vedomosti*, 1848, no. 20, pt. non-official, pp. 166–169. (In Russian)
 27. Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3. Moscow, Progress, 1987, p. 502. (In Russian)
 28. Lyapunov B.M. Comments on the language of the “Word” by V. Grigorovich on September 8. In: *Rech' prof. V.I. Grigorovicha na prazdnovanii tysyacheletiya Rusi* [The Speech of Prof. V.I. Grigorovich at the Celebration of the 1000th Anniversary of Rus]. Odessa, Tekhnik", 1915, pp. 3–6. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Аристова Л.Ю., Георгиев П.В., Каримова Р.А. Был ли В.И. Григорович в Риме? Комплексный анализ дневниковых записей из архива В.И. Григоровича (РГБ) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 112–125. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.112-125. ⟩

⟨ **For citation:** Aristova L.Yu., Georgiev P.V., Karimova R.A. Was V.I. Grigorovich in Rome? Comprehensive analysis of the notes of V.I. Grigorovich from the archives of the Russian State Library. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 112–125. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.112-125. (In Russian) ⟩